СКАЖИ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР НЕСКАЗАННОГО ЧУЖОГО СЛОВА В РУССКОЙ РЕЧИ

Колмогорова А. В. (nastiakol@mail.ru)

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Ключевые слова: ксено-показатели, дискурсивный маркер, русская коммуникативная практика, чужое слово, прагматическая функция

‘SKAJI’ AS DISCOURSE MARKER OF REPORTED UNSAID SPEECH IN RUSSIAN

Kolmogorova A. V. (nastiakol@mail.ru)

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The paper deals with the problem of discourse markers of reported speech in Russian.

We focus on functioning of partially grammaticalized form of Russian verb skazat’ — ‘skaji’ in Russian communicative practice. Two functions of ‘skaji’ — to introduce somebody else’s unsaid speech and to model somebody else’s eventually possible speech — are observable on the data of large corpuses of Russian. Semantic and pragmatic analysis result in formulating a range of pragmatic meanings of ‘skaji’ as discursive marker of reported unsaid or both unsaid and modelled speech: to control and to regulate interlocutor’s behavior, to search for approval, to show social domination, to make the interaction more empathic.

Key words: discourse marker, markers of reported speech, Russian communicative practice, mother-child communication, pragmatic function

Введение

Проблема показателей чужой речи достаточно хорошо изучена отечественными лингвистами на примере дискурсивных маркеров *де, мол, дескать* [Баранов 1994; Плунгян 2008] и др.

С лёгкой руки Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990] в лингвистический дискурс вошёл термин «ксено-показатели», введённый для обозначения частиц *де, мол, дескать* как знаков чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира. Воспроизведение говорящим речи «другого», «несущее груз двойной субъективности» выполняет функцию отчуждения такой речи от здесь-и-сейчас говорящего субъекта, реализующуюся в нескольких типах объективируемых разграничений: темпоральное, коммуникативное, интерпретативное, позиционное, игровое. Функцией, объемлющей все вышеприведённые разграничения, можно считать функцию нивелирования социальной ответственности говорящего за передаваемое сообщение в его диктумном или модусном аспекте, что позволяет отнести анализируемые частицы к категории показателей «субъективной цитации» [Падучева 2011].

В более широком ракурсе «чужое слово» предстаёт в аспекте «пересказывательности» [Левонтина 2010]: чужое слово может передаваться не только при помощи ксено-показателей, но и интонационно, и, будучи представлено в коммуникативной тональности передразнивания, при помощи «бессмысленных сочетаний» (*бла-бла-бла; на-на-на*) и лексем с семантикой неточности, приблизительности (*вроде, типа*).

Однако вектор всех случаев передачи и перефразирования чужой речи в рассмотренных случаях направлен в перфектное прошлое: это передача уже сказанных и услышанных слов. Мы бы хотели остановиться на несколько другом типе передачи речи другого — речь пойдёт о ещё несказанных другим словах, о моделируемых говорящим X гипотетических высказываниях Y-а, нынешнего собеседника X-а, который, а) мог бы произнести эти слова в текущей ситуации, но по каким-либо причинам не делает этого; либо б) как ожидается, может в ближайшем будущем произнести эти слова или передать их общий смысл, но уже от своего лица другому собеседнику. Речь, в общем, идёт о моделировании гипотетического «чужого слова» в двух направлениях: моделирование гипотетически *уже* невозможного и *ещё* возможного чужого высказывания.

Обратить внимание на подобные случаи передачи чужой речи нас заставили некоторые фрагменты общения матери с ребёнком, зафиксированные нами в форме видеозаписей в авторском корпусе, фиксирующем в видеоформате взаимодействие более 40 матерей-жительниц Западной и Центральной Сибири в возрасте от 18 до 48 лет с собственными детьми от 0 до 7 лет [Колмогорова 2014]. Общий объём корпуса составляет 68 часов записи.

1. Case study: *скажи* в общении матери с ребёнком

Необходимо отметить, что наблюдения за речевым поведением матери, общающейся со своим ребёнком, в особенности, с ребёнком от 0 до 4-х-5-ти лет, показывают, что в таком «материнском социолекте» оказываются в конденсированном виде представлены все те коммуникативные, дискурсивные реалии, которые составляют специфику русской коммуникативной практики в целом. Хотя в ряде работ материнская речь рассматривается как разновидность

дидактической, обучающей языку речи [Воейкова 2011], нам представляется, что функция материнской речи есть, прежде всего, функция адаптивная, функция аккультурации ребёнка, инкорпорирования его в совершенно непрозрачную для внешнего наблюдения циркуляцию скрытых коммуникативных смыслов, разделяемых членами коммуникативного сообщества имплицитных мнений и суждений. Интересные, но малозаметные, трудно поддающиеся рефлексии явления в речевой коммуникации взрослых представителей сообщества в речи матери обращают на себя внимание и позволяют затем увидеть и проанализировать их значение в коммуникативной практике в целом.

При анализе авторского корпуса видеозаписей коммуникативного взаимодействия в диадах «мать-ребёнок» мы отметили несколько случаев употребления частично десемантизированной глагольной формы *скажи*, в функции маркера условной смены говорящего.

Рассмотрим первый тип высказываний такого рода.

При общении с ребёнком доречевого периода жизни (от 0 до 1 года) мать обращает реплику к ребёнку и сама же воспроизводит якобы его ответные реплики, маркируя условность этого диалогического взаимодействия коннектором *скажи*:

(1) (мать — 22 года, дочь — 8 мес.)
/ Давай ушки почистим? / не хочешь? / скажи / вот мать издевается / то ей ногти, то ей уши чистить… //;

(2) (мать — 23 года, сын — 3 мес.)
/ А ты чего, что такое? / мама / скажи / покушать не даёт / вот я уже 15 минут лежу / прошу / а она не даёт /. /скажи я тут язык тебе показываю / а ты мне не даёшь покушать / скажи / давай есть быстрей / я хочу есть / страх как хочу / а она не даёт //.

Следует отметить, что при анализе фрагмента моделируемой чужой речи («невысказанного высказывания» собеседника [Арутюнова 1990], моделируемого вслух говорящим) интонационно видны яркие отличия между речью от лица собственно матери и речью от лица ребёнка. Во-первых, при переходе к речи от лица ребёнка существенно понижается высота голоса; во-вторых, увеличивается его сила (говоря от лица ребёнка, мать делает это громче, чем в речи от собственного лица); в-третьих, тон становится недовольным.

Кроме того, после дискурсивного маркера *скажи* фиксируем появление в речи матери лексических единиц с семой негативной оценочности, обозначающих либо саму мать, либо её действия (*издеваться, редиска* (в непрямом значении), *такая-сякая*), усилительных наречий либо фразеологических сочетаний, клише со значением интенсивности (*так, так сильно, страх как*); в якобы «репликах ребёнка» реализуются речевые акты упрёка, обиды, возмущения. На уровне морфологии отмечаем насыщенность речи матери личными местоимениями, формирующими оппозитивные пары: *я/ты, я/она*. Мать референциально смещённо употребляет дейктическое местоимение *я*, обозначая им не себя — говорящую — а ребёнка, якобы являющегося субъектом

высказывания. Используя местоимение *ты*, мать в роли ребёнка как бы фиксирует внимание на диалоге «ребёнок-мать», а, переходя к местоимению *она*, не покидая при этом роли, мать как бы говорит устами ребёнка «для зрителя», обращаясь к третьим лицам — наблюдателям. К другим грамматическим особенностям данного вида взаимодействия матери и ребёнка отнесём: использование матерью в речи от лица ребёнка, повелительного наклонения (*давай есть быстрей*), сложных предложений с сочинительной противительной связью: *я хочу есть/ страх как хо-чу/ а она не даёт/.*

Описать семантику высказываний подобного рода, где *скажи* становится «маркером невысказанного высказывания», считаем возможным следующим образом:

> *X произносит, обращаясь к Y: скажи P, где P = то, преимущественно, негативное по отношению к X, что Y не сказал, но, по мнению X, мог бы или намеревался сказать.*

В повседневной речи взрослых носителей языка также находим подобные примеры (авторский корпус аудиозаписей устной речи (40 ч. звучания), а также материалы НКРЯ), но все они маркированы коммуникативным вектором взаимодействия «старший — младший»:

В общественном транспорте пожилая женщина, увидев молодого человека с учебником в руках, задаёт ему серию вопросов: Где ты, сынок, учишься? А нравится тебе учится? А где работать потом будешь? В какой-то момент возникает пауза: коротко ответив на вопрос, юноша молчит и делает вид, что читает что-то в учебнике. Женщина продолжает: *// вот / <u>скажи</u> /пристала старая / ну ты уж меня извини / хочется же поговорить / узнать же //* [из авторских записей устной речи].

Существует и другая разновидность употребления маркера *скажи*, проявляющаяся в нашем материале. Её семантику можно описать следующим образом:

> *X произносит, обращаясь к Y: скажи P, где P = то, что Y не знает, как высказать третьему лицу Z, или не решается это сделать.*

В дальнейшем мы будем обозначать *скажи* в данном типе высказываний как «маркер моделируемого высказывания».

Реализация подобной функции для *скажи* была зафиксирована нами во взаимодействиях матерей с детьми от 2-х до 3-х лет. Суть интеракции в том, что мать как бы встаёт на позиции своего ребёнка, разговаривающего с чужим взрослым. В данном случае мать как бы даёт модель для имитации. Например, мать и ребёнок вместе смотрят мультфильм. Во время просмотра раздаётся резкий звук работающей дрели. Мать знает, что это сосед вновь принялся за ремонт, и говорит:

(3) (мать — 26 лет, сын — 3 года)
/ Кто там? / дядя бж-жи делает? / попроси дядю не делать больше бж-жи / скажи / не надо / дядя / так делать! / мне не нравится / не нравится //.

Интонационные особенности речи матери в данном случае аналогичны тем, что мы анализировали в предыдущей серии примеров, когда мать моделировала «невысказанные высказывания» от лица ребёнка: существенно понижается высота голоса, увеличивается его сила, тон становится недовольным. Меняется и невербальная семиотика общения: произнося реплики якобы ребёнка, мать энергично поворачивает голову из стороны в сторону, хмурит брови, но глаза при этом лукаво прищурены, взгляд ласков и направлен на сына. Что касается лексического наполнения, то появляется лексическая единица, называющая чужого человека, третье лицо — *дядя*.

В отличие от предыдущей серии примеров употребления *скажи* в функции маркера «невысказанного высказывания», где повелительное наклонение использовалось только в речи матери от лица ребёнка, в анализируемых высказываниях, где *скажи* реализует функцию маркера «моделируемого высказывания», повелительное наклонение используется и в речи матери от своего лица, и от лица ребёнка: */ попроси дядю не делать больше бж-жи/ скажи/ не надо/ дядя/ так делать/.* Сохраняется референциальная смещённость в употреблении местоимений (мать обозначает местоимением 1-го лица не себя, а ребёнка), но уже себя в речи она никак не обозначает: не употребляются ни самономинации, ни местоимение *она*.

Подобного рода функцию маркера моделируемого высказывания у *скажи* можем обнаружить и в более широкой речевой практике русских:

(4) *Отец Афанасий на меня спокойно посмотрел и сказал: «Дойдёшь до этого места — скажи: «Не прощай меня, потому что я Кириллу простить не могу»… — «Я не могу этого сказать!» — «Ничего другого сделать нельзя»* [НКРЯ, митрополит Антоний (Блум). О молитве (1995)].

Следует отметить, что анализ корпусного материала позволяет существенно нюансировать две первоначальные функции дискурсивного маркера *скажи:* «маркер невысказанного высказывания» (гипотетическая «уже»-перспектива невозможного более, несказанного «чужого слова»: собеседник или, реже — третье лицо, мог бы сказать, но не сказал) и «маркер моделируемого высказывания» (гипотетическая «ещё»-перспектива возможного, пока несказанного: собеседник не знает, как и что сказать или не осмеливается — говорящий моделирует возможное будущее высказывание собеседника, обращённое к третьему лицу)

2. Анализ корпусных данных

2.1. *Скажи* как маркер невысказанного высказывания

Подчеркнём, что объектом нашего анализа не были высказывания, в которых *скажи* выполняет свои первичные, «ядерные» функции: 1) опосредованного императива (*скажи, пусть запрягают; скажи, чтобы все возвращались*); 2) запроса

информации (*скажи, сколько у тебя внуков?)*; 3) инситатива (*ну скажи же что-нибудь*!). Не принимали мы во внимание и ряд десемантизированных употреблений *скажи* в устойчивых сочетаниях типа *скажи пожалуйста* или *скажи спасибо*, имеющих, прежде всего, модальную функцию.

Рассмотрим несколько значений *скажи* в функции маркера невысказанного высказывания.

Функция маркера невысказанного высказывания свойственна *скажи*, скорее, в дискурсивном измерении «я-ты» (по Э. Бенвенисту [Benveniste 1966]) в face to face коммуникации.

В режиме «я-ты» в зависимости от прагматической функции выделяются несколько блоков употреблений обсуждаемого дискурсивного маркера. При этом каждая из выделенных прагматических функций маркируется и на уровне интонации[1]

2.1.1. Первый блок примеров объединяет объективная невозможность произнесения «невысказанного высказывания».

Совершенно аналогично тем случаям, что были нами отмечены в речи матери, обращённой к ребёнку, мы обнаружили функционирование *скажи* в качестве маркера «невысказанного высказывания», которое не могло быть произнесено собеседником субъекта высказывания по объективным причинам — он просто не умеет говорить, поскольку он — животное:

(5) *Смотрите, подошел! Служи, служи! Дэв, скажи: «Дайте мне, что тут у вас, и я пошел!»* [Домашние разговоры // НКРЯ, 2006].

Здесь мы наблюдаем всё тот же референциальный сдвиг: местоимение *я* употребляется дабы обозначить мнимого субъекта выказывания, реплики которого нарочито грубоваты, содержат императивы.

В данном случае прагматический оттенок невысказанного высказывания обнаруживает игровой характер, сочетающийся с эмпатичностью общения реального говорящего и мнимого говорящего (собеседника — ребёнка, животного), с интимизацией коммуникации. При этом в таких контекстах *скажи* интонационно имеет безударный статус, фактически превратившись в сентенциальную частицу, подобно *дескать* и *мол*.

2.1.2. Второй блок примеров объединяет признак «субъективная невозможность произнесения невысказанного высказывания», т.е. присутствующий здесь-и-сейчас собеседник вполне мог бы произнести такое высказывание, но не сделал этого.

Здесь можно выделить несколько значений *скажи*.

---

[1] За эту идею — рассмотреть интонационный параметр каждого из прагматических типов употреблений — и многие другие ценные замечания и предложения мы глубоко признательны анонимным рецензентам «Диалога».

2.1.1.1 X произносит, обращаясь к Y: скажи ещё P, где P = то, что Y не сказал, но, по мнению X, мог бы или намеревался сказать; X считает, что P выходит за границы нормы, и не согласен с P.

(6) [Ольга, жен, 19] *Лучше не надо. От липтона меня переть начинает. Прямо как от пива.* [Мария, жен, 21] *Ещё скажи / они его пивом разбавляют или чего похуже добавляют.* [Ольга, жен, 19] *Может быть / а знает-то кто!* [Разговор знакомых // Из материалов Ульяновского университета, 2007].

Собеседница Ольга полагает изначально, выводя это знание инференциально, что Мария, возможно, не высказала, но хотела сказать о том, что в напиток добавляют какие-то несвойственные рецептуре вещества, и при этом она сама отрицает возможность или вероятность обоснованности такой точки зрения. Коммуникативное намерение Ольги эквивалентно «уж не хочешь ли ты сказать…?» И Мария в следующей реплике отчасти подтверждает гипотетическую версию Ольги о «невысказанном».

(7) [Ирина, 48] */ Ну скажи ещё / ты за копейки тряпки не покупала и на рынке ими не торговала/* [Наталья, 52] *Ну, торговала, было дело//* [из авторских записей устной речи].

Скажи, вводящее предикативную конструкцию с глаголом в отрицательной форме, маркирует якобы невысказанное Y-ом высказывание P, содержание которого говорящий (X) моделирует инференциально, исходя из предыдущих высказываний Y-ка, доводя их до некого абсурда, за границы эпистемической, коммуникативной и других видов норм, что синтагматически маркируется обязательным присутствием акцентного слова *ещё* [Николаева 2000]. При этом *ещё* и *скажи* образуют единую акцентную группу с небольшим повышением тона вначале и резким падением затем, за которым следует пауза, при этом акцентный рисунок не меняется: ещё скажи /|, скажи ещё /|.

В анализируемых случаях дистанция между коммуникантами также близка, общение носит характер дружеской интимности, налицо прагматика лёгкого укора, желание остановить собеседника в дальнейших рассуждениях.

2.1.1.2 X произносит, обращаясь к Y: скажи (же) P, где P = то, что Y не сказал, но, по мнению X, мог бы или намеревался сказать; P содержит подтверждение якобы Y-ом мнения X.

В данном случае маркер *скажи* локализован в иллокутивно независимой эмоционально окрашенной реплике инициирующего характера. Иногда такое «невысказанное высказывание» не требует никакого подтверждения о совпадении модели невысказанной *Y-ом* оценки с реальностью:

(8) *Ну скажи Полина классно снимает* (из записей в Контакте)*;*

иногда — предполагает некоторую ответную реакцию, которая подтверждала бы правильность догадки инициатора реплики о «невысказанном»:

(9) *Ну, скажи же, классно получилось? Ты же не заметила ничего, ведь правда? — Ну, вы даёте! — удивлённо протянула она* [НКРЯ, Е. Лебедева «В какой стране жить хорошо или Сафари на большую пятёрку, 2005]

При сохранении общей дружески интимной тональности общения налицо прагматика инициации подтверждения-подхвата говоримого. При том интонационно заметен восходящий тон на *скажи /.*

2.1.3. *Скажи* может служить маркером невысказанного, но ожидавшегося собеседником в данной ситуации высказывания. Отсутствие такого высказывания со стороны коммуниканта рассматривается его собеседником как нарушение коммуникативно-прагматической нормы, как анормальное поведение («могла бы сказать, но не сказала» и «сказала бы: так-то и так-то») приводит к появлению модального оттенка упрёка, осуждения:

(10) [Екатерина, 32] *Ну не можешь, так приди, скажи, так, мол, и так, не могу больше работать по такому графику, трудно мне, ну не бросать же работу//* [из авторских записей устной речи].

В контекстах реализации данного модального оттенка *скажи* употребляется в сочетании с лексическими показателями неточности (*типа*), передразнивания (там), пересказа (*так, мол, и так*). Интонационно скажи оказывается выделено, причём первый слог характеризуется резким падением тона, а второй — ровным низким тоном \-, который как отмечается [Кодзасов 2009], характерен для неуверенных оценок.

2.2. *Скажи* как маркер моделируемого высказывания

Примеры использования *скажи* в гипотетической «ещё»-перспективе возможного, «ещё» несказанного слова более единообразны. По сути, можем наблюдать реализацию лишь одного дифференциального признака: менее детальное моделирование /более детальное моделирование гипотетически возможного высказывания. В первом случае не происходит транспозиции форм грамматической категории лица, что продиктовано отсутствием референциального сдвига. Хотя говорящий примеряет на себя маску другого говорящего (в данный момент — своего собеседника), он использует для моделирования будущего высказывания глагольные формы 2-го лица ед.числа (*ищешь*):

(11) *Ну чё мне всю жизнь что ли упырей всяких по подворотням принимать? — Ты зачем притворяешься? Ну? Так и скажи / денежного места ищешь / престижную работу.* [К. Серебренников и др. Изображая жертву, к/ф (2006)]*;*

(12) — *Упёрся… Слушать не хочет. — Да ты попроси хорошенько!* Скажи, мол, *издалёка приехали* [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)]

В данном случае моделируется лишь общая содержательная канва будущего высказывания. Такая приблизительность передачи содержания маркируется ксено-показателем *мол* (пр.12). Более детальное моделирование высказывания другого с необходимостью требует референциального сдвига, приводящего с транспозиции форм обозначения лица:

(13) *На что тот сказал: «Ну, чего про Фишера, не про Фишера надо, а про наших!» — «А чего про наших, наши всё проигрывают». — «Ты выйди и скажи: вот сегодня собрались здесь любители музыки, это приятно, вы любите музыку, вы интересуетесь музыкальной техникой, а вот знаете, какие сейчас проигрыватели считаются лучшими? Не знаете? Так я вам скажу: из импортных — Ларсен, а из отечественных — Тайманов»…* [В. Ф. Панова. Сережа (1955. НКРЯ]

С точки зрения прагматики *скажи* как маркера моделируемого высказывания, следует отметить, что чем точнее и подробнее говорящим (X) моделируется будущая речь собеседника Y, тем чётче обозначаются отношения доминирования X-а над Y-ом. Это доминирование может быть обусловлено возрастом, социальным статусом X-а или его позицией «ведущего» в коммуникативном взаимодействии. В целом, в высказываниях со *скажи* в функции маркера моделируемого будущего высказывания наблюдается покровительственная коммуникативная тональность в сочетании с близкой (чаще — дружеской) коммуникативной дистанцией говорящих. В анализируемых употреблениях *скажи* оказывается в интонационно выделенной позиции, характеризующейся значительным понижением тона (наподобие ИК 2 по [Грамматика 1980]), что обусловлено влиянием формы императива и общей прагматикой доминирования.

3. Интерпретация результатов

Таким образом, *скажи* функционирует в русском коммуникативном пространстве как маркер непроизнесённого, уже/ещё несказанного чужого слова. *Скажи* в данном статусе способно выполнять в высказывании роль актуализатора различных прагматических функций: эмпатической или интимизирующей, корректирующе-контролирующей (упрёк), инситации подтверждения-одобрения, регулятивной (порицание), функции реализации социального доминирования. Реализация той или иной функции зависит от нескольких факторов: модально-временная направленность «невысказанного высказывания», вводимого *скажи* (гипотетическая невозможность, гипотетическая возможность), лексическая дистрибуция маркера *скажи* (наличие других маркеров чужой речи *мол, типа, так* и *так*, частиц *ну* и *же*, слов-маркеров нормы — *ещё*). Кроме того, каждый прагматический тип дискурсивного маркера *скажи* реализуется

в контексте особых просодических параметров: эмпатическая функция — безударный статус, корректирующе-контролирующая — лёгкий восходящий тон и резкое падение (в синтагме с *ещё*), инситации подтверждения-одобрения — восходящий тон да/нет вопроса, регулятивная функция — нисходящая интонация с последующим ровным низким тоном, функция реализации социального доминирования — акцентная выделенность значительным понижением тона.

Заключение

Проблема полифонии в русской коммуникативной практике и форм её присутствия в высказывании представляется достаточно перспективной сферой научного анализа. Одно из направлений такого анализа — описание прагматических функций дискурсивного маркера невысказанного и моделируемого «чужого слова». Дальнейшее исследование в очерченном направлении предполагает уточнение просодических лексических, грамматических маркеров и ограничений функционирования *скажи* как дискурсивного маркера, а также выявление коммуникативно-прагматических условий его использования говорящими.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Высказывание в контексте диалога и чужой речи // Revue des études slaves, Tome 62, fascicule 1–2, 1990. L'énonciation dans les langues slaves [En hommage à René L'Hermitte, sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk]. Pp. 15–30.
2. *Баранов А. Н.* Заметки о дескать и мол // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114–124.
3. *Воейкова М. Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. 328 с.
4. *Кодзасов С. В.* Исследования в области русской просодии. М., 2009. 496 с.
5. *Колмогорова А. В.* Эвристический потенциал видеокорпуса «Родная речь: практики материнского общения» для исследования концептуализации социальных эмоций в русском языковом сознании // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. 2014. С. 25–33.
6. *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог 2010. С. 284–288.
7. *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
8. *Падучева Е. В.* Показатели чужой речи *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, N 3. С. 13–19.
9. *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // B. Wiemer & V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008. S. 285–311.

10. *Русская грамматика* / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
11. *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. P. : Gallimard, 1966.

References

1. *Arutyunova N. D.* (1990) Utterance in the context of dialogue and somebody else’s speech [Vyskazyvanie v kontekste dialoga i chuzhoj rechi], Revue des études slaves, Tome 62, fascicule 1–2, 1990. L’énonciation dans les langues slaves [En hommage à René L’Hermitte, sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk]. Pp. 15–30.
2. *Baranov A. N.* (1994) Some suggestions about ‘deskat’ and ‘mol’ [Zametki o *deskat’* i *mol*], Issues of Language Science [Voprosy jazykoznanija], Vol. 4, Pp. 114–124.
3. *Benveniste E.* (1966) Problems of general linguistics [Problèmes de linguistique générale], P. : Gallimard.
4. *Kodzasov S. V.*(2009) Issledovanija v oblasti russkoj prosodii. M. 496 p.
5. *Kolmogorova A. V.* (2014) Jevristicheskij potencial videokorpusa «Rodnaja rech’: praktiki materinskogo obshhenija» dlja issledovanija konceptualizacii social›nyh jemocij v russkom jazykovom soznanii // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Vol. 2. pp. 25–33.
6. *Levontina I. B.* (2010) Quotation and rendering markers in Russian [Pereskazyvatel’nost’ v russkom jazyke], Compuitational Linguistics and Intellectual Technologies, Vol. 7, pp. 284–288.
7. *Nikolaeva T. M.* (2000) Ot zvuka k tekstu. M.: Jazyki russkoj kul’tury. 680 p.
8. *Paducheva E. V.* (2011) Markers of somebody else’s speech ‘mol’ and ‘deskat’ [Pokazateli chuzhoj rechi mol i deskat’], Issues of Russian Academy of Sciences. Researches on Literature and Language [Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka], Vol. 70–3. pp. 13–19.
9. *Plungjan V. A.* (2008) About markers of somebody else’s speech and unreliability in Russian: ‘mol’, ‘jakoby’ etc. [O pokazateljah chuzhoj rechi i nedostovernosti v russkom jazyke: mol, jakoby i drugie], Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008. pp. 285–311.
10. *Russkaja grammatika* (1980) /Pod red. N. Ju. Shvedovoj. Vol. 2. M.: Nauka. 709 p.
11. *Voejkova M. D.* (2011) Rannie jetapy usvoenija det’mi imennoj morfologii russkogo jazyka. M.: Znak. 328 p.